

МОТИВ «СТРАХА» В ПРОИЗВЕДЕНИИ С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «ЛЕСНАЯ ТОПЬ»

Е.С. Ким

(аспирант, Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова)

У статті розглядається проблема моделі світу та мотивного аналізу у творчості раннього С.Н. Сергеєва-Ценського. Аналізується зв'язок мотиву і моделі світу, мотиву та сюжету.

The article deals with the problems of the model of the world and the motive analysis in stories of S.N. Sergeev-Tsensky. It is stated that the communication of motive and plot, motive and story.

Постановка проблемы обусловлена недостаточной изученностью модели мира в раннем творчестве С.Н. Сергеева-Ценского.

Чаще всего внимание литературоведов акцентируется на поздних повестях и романах Сергеева-Ценского. Раннее творчество писателя, в частности произведение «Лесная топь», является, как правило, контекстом в изучении творчества писателя.

Актуальность работы заключается в выявлении доминантных аспектов в творчестве раннего С.Н. Сергеева-Ценского, которые позволяют сделать вывод о философско-эстетической парадигме автора, обнажающей сущность его экзистенциальной парадигмы. Целью исследования является мотивный анализ повести «Лесная топь», позволяющий рассмотреть особенности сюжета, его динамики, персонажной системы [см.: 1] как особого художественного мира писателя.

Экзистенциальная парадигма С.Н. Сергеева-Ценского содержит ряд сюжетных мотивов, определяющих «пограничную ситуацию», в которой развивается внутренний и внешний конфликт.

В данной статье мы опираемся на наиболее значимые, посвященные экзистенциальной проблематике в русской литературе XIX – начала XX вв. исследования таких литературоведов, как В. В. Заманская [2], А. Ю. Мережинская [3], В. А. Келдыш [4] и др.

Заметим, что экзистенциальная парадигма – это метасодержательная категория, инвариантами которой являются «экзистенциальный тип сознания героя», «пограничная ситуация», «страх смерти», «реальное – ирреальное», «хронотоп обреченного героя».

«Экзистенциальное сознание» как составляющая экзистенциальной парадигмы связано прежде всего с объективацией окружающего мира сквозь призму личностной апперцепции. Актуализация такого типа сознания отражает «пограничную ситуацию», которая обнажает хрупкость, катастрофизм, драматичность человеческого существования. Как правило, «пограничная ситуация» возникает «вдруг» («вдруг» здесь приобретает статус онтологического события), после чего человек оказывается в ситуации, по существу, драматического выбора, активного/действенного или пассивного/инерционного преодоления её. Выбор человека связан с категорией свободы или ее антиподом – детерминизмом судьбы, случая, обстоятельств. В процессе преодоления «пограничной ситуации» включается механизм личностной самоидентификации человека, его способности к свободному действию, поступку, моральному выбору. Если же человек не может преодолеть «пограничную ситуацию», то он обречен [см. 5].

Как правило, персонажи Сергеева-Ценского, с одной стороны, подвержены перипетиям фатальных, безличных сил судьбы, в связи с чем являются несвободными, а с другой – они «обречены» умереть, и это основная пограничная ситуация в их судьбе.

Так, например, в произведении «Лесная топь» автор погружает нас в атмосферу страха, сталкивая читателя с чем-то инфернальным, противоположным реальному миру. Лес, «враждебно настроенный», персонифицирован, представлен как живое существо, которое всем своим видом предвещает ужасное. В этом «живом» зловещем лесу мы видим детей, Фильку и Антонину, которые отправились туда наловить раков. Дети, особенно Антонина, сразу ощущают враждебность этого места, что в свою очередь навевает страх и тревогу.

Персонифицированный лес словно хочет поглотить детей, жаждет их смерти: *Что-то тихо дышало на них сзади из-за толстых мицтых дубов, дышало ядовитой сыростью и густым запахом смерти от гниющих листьев* [6].

Страх охватил детское сознание и неудивительно, что они могли вообразить себе все что угодно: ...*за камышами поднялась из воды зеленая тинистая человечья голова, старая, яркая, как сноп зеленых молний, фыркнула и поплыла к ним* [6]. Дети оказались в «пограничной ситуации». Катализатором, спровоцировавшим «пограничную ситуацию», стали именно безличные, надперсональные силы бытия, воплощенные в столкновении с чем-то инфернальным, потусторонним.

Главное, ключевое событие, первопричина ряда катастроф – встреча с лесным чудищем, объективируется как случайность, которая никак не зависит от человека (эта случайность спровоцирована страхом). Присутствие надперсональных, ирреальных сил, которые детерминируют весь ход событий, трагически разрушая мир героев, трактуется Сергеевым-Ценским как наличие особой модели мира, особого вида реальности, которую способны ощущать люди, но которой они бессильны противится. Читателю, связанному с автором коммуникативными отношениями, неважно, действительно ли дети столкнулись с чем-то потусторонним (инфераunalным), зловещим, враждебно настроенным (Шишига лесная), или это напуганное детское воображение. Ясно только, что страх полностью овладел ими. Даже находясь уже дома, они воспринимают свою избу, как часть леса, а лес, в свою очередь, ассоциируется со страхом и смертью. Детей долго не могли успокоить, и тогда взрослые прибегли к (тайному) магическому обряду, к заговору: *Долго прыскали ребят крещенской водой, бормотала что-то заговорное бабка* [6] (здесь проявляется мифологическое мышление персонажей [см. 7]). И если Филька оправился от испуга на следующий день, то *Антонина осталась порченой*. Страх не покидал ее и держал в постоянном напряжении, что привело к отчуждению и обусловило определенную модель ее поведения. Она стала чужой для всех: люди, окружающие ее, не пытались ей помочь справиться с этим страхом, называли её «дурочкой», «порченой», думали, что она уйдет в монастырь. Возникает процесс отчуждения. Здесь явственно ощущается фатальное одиночество в мире, отчуждение человека. Даже надежда на власть церкви рушиться. Ситуация насильтственного замужества приводит ее к мысли о том, что она только вещь. Если Антонина и хотела освободиться от страха и одиночества, смоделировав новую реальность для себя при помощи создания семьи (для женщины, с точки зрения Ценского, создание семьи – это создание нового мира, приобретение нового смысла жизни), то практически у нее это не получилось. Мужа забрали в армию, а свекор постоянно домогался ее, в материнстве она также не смогла найти спокойствия и радости: *Антонина родила девочку с огромным пятном в половину лица. Когда ребенок плакал, он становился страшным, превращаясь в один уродливый красный ком* [6]. Снова мир Антонины рушится, что приводит к еще большему отчуждению. Детский страх перерос в нечто большее. Теперь она боится абсолютно всего и всех, а особенно: ...*жадного, плачущего урода* [6]. Иногда Антонину ...*охватывала жалость, похожая на злость, а иногда ... Антонина ясно начинала ощущать, что он не нужен ни ей и никому теперь и не будет нужен после, что он ей противен, что он даже не ее, потому что она ждала не такого* [6]. Зародилась ненависть, злость и, вместе с тем, жалость к ребенку. Ничего другого и не мог породить страх, который проник в нее настолько, что даже «оставил» отметину на ребенке.

Антонину ожидает еще одно потрясение. Загорелась деревня, и в пожаре погибает её дитя. Люди стали обвинять Антонину. Только на первый взгляд пожар избавил героиню от всех страданий, переживаний и страха. Несмотря на то что она смогла уйти из семьи и освободится от всего, что было ей ненавистно, душа ее мучается и горит в огне, ведь она сознательно оставила ребенка умирать. Возникает еще одна «пограничная ситуация», которая подталкивает героиню к драматическому выбору.

Закономерен ее уход в лес, где происходит встреча с обезображенном сторожем Зайцевым. В описании его портрета очевидно тяготение Сергеева-Ценского к модернистскому обобщению, к стремлению вызвать у читателя множественные интенции: страх, ужас,

жалость, ненависть, объяснение преступления и т. д. Чувство страха преодолевается не раскаянием, а преступлениями (убийство героиней дочери, сожителя, одиночество, болезнь).

Интересен тот факт, что все «пограничные ситуации» происходят с Антониной в лесу, либо в непосредственной близости от леса. Лес (и топь, которая находится в лесу) является неким закрытым пространством, «замкнутым хронотопом» [см. 8], который, как правило, обусловлен мотивом «отчуждения». Актуализация «замкнутого хронотопа», маркированного устойчивыми ориентирами, апеллирующими к запаху смерти («запах гниющих листьев и топкого болота»), пространству смерти (лес, болото), времени умирающего героя. Хронотоп этот замкнут лишь потому, что героиня обречена, и именно это вносит экзистенциальный смысл в интерпретационные механизмы.

Во всех произведениях Сергеева-Ценского, в которых реализован хронотоп обреченного героя, запах смерти, либо страх, грех является одним из устойчивых символов, которые предвещают судьбу героев.

В этой связи еще раз обратимся к топосу леса и топи: ...*топь поднялась высоко и властно и залila лес. <...> Совершалось что-то страшное, всегда одинаково бывшее испокон века: подымалось одно и поглощало другое, за стеной жизни стояла смерть, за стеной обрыва — бездна, и стены были тоньше и прозрачнее, чем осенний воздух* [6]. С лесом и топью связано возвращение домой. Антонине пришлось идти через лес, где ее окружает топь реально и мистически. Она заполняет все ее сознание. В тексте постоянно встречаются словосочетания «стало страшно», «вспомнилась шишига лесная», «испуганно мелькнула молния», «тянулись отовсюду загребистые паучьи лапы страха и ткали кругом частую паутину», в которую попадает и никак не может выпутаться героиня. Кругом была только топь и плотная густая сырость, повиснув в темноте, тащилась рядом [6]. Мотив страха и мотив отчужденности постоянно определяют развитие сюжета. Совершенно ясно, что обреченная героиня не сможет найти дорогу домой, дорогу к новой жизни. Пространство Антонины начинает сужаться (метафорический переход от жизни к смерти): *Мокрый полушибок давил плечи, от платка больно было голове. Хотелось спать. Завидно было, что все кругом спали, а она стоит* [6]. Все давит на Антонину, она устала от всего и сон свидетельствует о начале перехода в другой мир, где нет ни страха, ни греха, ни мук совести. Смерть приводит к освобождению [см. 9]. Реальное и ирреальное перемешалось в ее сознании. Топь поглотила и лес, и мертвое тело Антонины.

Проанализировав произведение С.Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» можно определить, что поиски писателя шли в русле идей не только русской, но и мировой литературы. У философа С. Кьеркегора это «меланхолия» и «страх» [9], которым он придал онтологический характер. У Ж.-П. Сатра это «тошнота», которая поглощает экзистенцию и рождает собственные координаты бытия, обезличивающие окружающий мир. У А. Камю это «тоска-усталость», которая постепенно перерастает в ощущение абсурда бытия, причем именно ощущение абсурда трансформирует окружающую действительность, маркирует ее бессмысленный, поглощающий характер. Чувства страха, одиночества, тоски, тошноты, абсурда бытия приобрели в XX веке онтологический характер, о чем свидетельствует авторский мир и раннее творчество Сергеева-Ценского, в частности воплощенные в произведении «Лесная топь».

- Слюсарь А. А. Об изучении фабулы, сюжета и композиции художественного произведения // Слюсарь Арнольд Алексеевич. Memoria. – Одесса, 2009.
- Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие. – М., 2002.
- Мережинская А. Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи: русская проза 80—90-х годов XX века: монография. – К., 2001.
- Келдыш В. А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). — М., 2001. — Кн. 1.
- Хайдеггер М. Бытие и время: Электронный ресурс. – Режим доступа к ист.: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydeger-butie_i_vremya-81.pdf
- Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч. в 12-ти т. – М., 1967. – Т. 1.

7. Мусий В. Б. Миф в художественном освоении мировосприятия человека литературой эпохи предромантизма и романтизма: монография. – Одеса, 2006.
8. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике: Электронный ресурс. – Режим доступа к ист.: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html>
9. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М., 1993.